

Территория, расположенная в бассейне нижнего течения Оки, Суры, Алатыря и Пьяны в древнерусских летописях именуется Низовской землей. Издревле эти обширные земли населялись людьми. Проведенные в 1998 году археологические работы научно-исследовательским предприятием «Велес» в верхнем течении реки Теша, доказывают, что к юго-востоку от Шатков в устье реки Ницма на дюнных всхолмлениях первой надпойменной террасы было открыто четыре поселения древних людей эпохи мезолита. Найденные на месте раскопок кремниевые орудия труда и охоты, подтверждают это открытие.

На реке Теша у сел Архангельского, Пасьянова и у р.п. Шатки были найдены несколько поселений II тысячелетия до нашей эры. Фрагментарность керамического материала, собранного из этих памятников, к сожалению, не позволяет с полной уверенностью определить культурную принадлежность населения, оставившего эти памятники эпохи бронзы.

Еще один древний памятник был открыт в конце XIX века. Речь идет о Коринском могильнике. Он находится между селами Корино и Хирино. На территории могильника и в отвалах отработанного грунта в большом количестве были найдены фрагменты бронзовых фибул, бронзовые накладки, стеклянные бусы и их фрагменты, керамическое пряслице. Встречались и остатки разрушенных костяков. Этот памятник средневековой мордвы зримо открывает тайны коренных обитателей шатковских мест.

Источником жизни и средством защиты для мордвы служили дремучие, труднопроходимые леса. Они снабжали мордовские племена дичью, ягодами, медом. Многочисленные реки и озера были богаты рыбой. Меха и мед были основными товарами жителей Низовской земли в обмене с соседями.

В течение длительного времени мордовские территории играли роль своеобразной буферной зоны между владениями славян и волжских булгар. Гарантией безопасности обеих этнических групп являлись полноводные Волга и Ока, игравшие роль естественных защитных рубежей.

С середины XII века началось быстрое усиление Владимиро-Суздальского княжества. Этот бурный процесс политико-экономического развития сопровождался расширением границ княжества. Началась экспансия русских на сопредельные территории Низовской земли.

Известный знаток прошлого Нижегородского края Л.М.Каптерев в книге «Нижегородское Поволжье X-XVI веков» (Горький, 1939) утверждал, что это был сугубо мирный процесс. По его мнению, отдельные группы русских крестьян-смердов по договоренности с мордовскими старшинами селились на мордовской земле, выжигали лес и после этого занимались хлебопашеством. С подобным наивным мнением очень трудно согласиться.

Возникает естественный вопрос, если мордва столь радушно принимала русских переселенцев в X-XI веках, то чем можно объяснить кровопролитные русско-мордовские войны

XII
-X

I
IV
веков? И если присоединение новых земель к русским княжествам происходило столь мирно, зачем князьям требовались многочисленные и хорошо вооруженные дружины?

К сожалению, суровая действительность несколько не походила на эту благостную сказочку. Любая колонизация вызывает активное противодействие коренного населения. Не стала исключением из этого трагического правила и колонизация мордовских земель. Русские силой оружия подавляли сопротивление мордвы и только после этого могли селиться на ее территории.

Первым и очень важным форпостом русских на Низовской земле стал основанный в 1152 году Юрием Долгоруким Городец. Мордовские племена отчаянно сопротивлялись, но не могли остановить натиск более сильного северо-западного соседа.

Великий князь владимирский Георгий (Юрий) Всеволодович понимал, что с булгарами, да с мордвой надо держать ухо востро, и потому настало время крепить новые пограничные рубежи, «сесть на Волге крепко». В знаменитой Лаврентьевской летописи, созданной в Нижнем Новгороде в XIV

веке, среди известий за 1221 год записано: «Того же лета великий князь Гюрги, сын Всеволожь, заложи град на усть Оки, и нарече имя ему Новъградъ». Таким образом, Нижний Новгород окончательно закрепил завоевания русских на средней Волге.

. Но вновь построенный город надо было обезопасить от ближайшего соседа – мордвы. Как уже было выше сказано, мордовские племена эрзя и мокша жили в глубине лесных территорий у рек Кудьма, Пьяна, Мокша, Теша и др. Они занимались собирательством, охотой, рыболовством, бортничеством, разводили домашний скот. Жила мордва в условиях родо-племенного быта и исповедовала языческую религию. Она поклонялась главному богу Пазу и богине-матери Инешке-пазон. Кроме того, у них было еще множество самых различных богов.

Поначалу отношения нижегородцев с мордвой были достаточно мирными, развивалась взаимовыгодная торговля. Однако когда начался процесс обрусения мордвы, как и ее христианизация, местные мордовские вожди – тюшты и прявты, начали активное сопротивление. Это всячески поощряли и поддерживали волжские булгары, данниками которых в тот период являлась мордва. Все это учитывал Юрий Всеволодович и в 1226 году послал своих братьев Святослава и Ивана «на мордву». Летописец отмечает, что, пройдя мордовские земли, выйдя «за Волгу», русская дружина не встретила сопротивления – мордва «им полку не выставила». Было взято много добычи и полона.

Через два года в поход на мордву отправился ростовский князь Василько и воевода великого князя Еремей Глебович. Однако войско вернулось от границ мордовской земли из-за проливных дождей.

В январе 1228 года по зимнему пути в поход отправился сам великий князь и муромский князь Юрий Давыдович. Удар был нанесен в район Темников-Кадам, в котором находился один из центров «Руси Пургасовой». В ходе похода владимирцы и муромцы «Жита пожгоша, а скоты избиша, а полон послаша назад, а Мордва вбегоша в леса, в тверди свое».

В отместку мордовское войско во главе с Пургасом внезапно напало на Нижний Новгород. Обтекая, словно остров посреди реки, Благовещенский монастырь, между землянок и изб посада к городу устремились мордовские воины. Прикрываемые лучниками, впереди идущие тащили на плечах длинные еловые бревна, которые, словно ежики, ощетинились множеством коротких, обрубленных почти у самого ствола веток. За ними, вооруженные мечами и длинными шестами, следовали самые ловкие, сильные, молодые воины.

Поднялись вверх и послушно легли через ров бревна, по которым, точно муравьи, побежали воины с шестами. Подбежав к стене и воткнув шест в землю, они, перебирая по нему руками и упираясь ногами в бревна стены, устремились вверх. Многие нападавшие использовали веревки, на конце которых были привязаны железные крюки. Цепляясь ими за крайние бревна или заборала, они также карабкались на стены.

Поначалу защитников было немного, и мордовским воинам удалось захватить отдельные участки стен, но призывно зовущие колокола Благовещенского монастыря и Архангельского собора бросили нижегородцев на стены. Сверху на головы осаждавших обрушились камни, бревна, запели, неся смерть, стрелы, словно мешки с землей полетели со стен тела убитых и раненых.

Неся потери, мордовские воины отступили.

До самого позднего вечера продолжались бессмысленные приступы. Только с наступлением темноты князь Пургас отступился от задуманного: забрав тела убитых старшин и запалив посады и Благовещенский монастырь, мордва отошла к своим селениям. Новгород земли Низовской устоял!

Великий князь Юрий Всеволодович приказал готовить поход на мордву. Собирались споро. К назначенному сроку к Нижнему Новгороду привели свои дружины князя рязанские, муромские, тринадцатилетний сын князя Ярослава Федор привел переяславцев, Дружину владимирскую и весь поход доверил Юрий Всеволодович своему старшему сыну Всеволоду. “Двадцать один год от роду княжичу, пора самому войско водить”, - решил великий князь.

Молодые князья, уверенные в своем превосходстве, шли в поход, как на охоту, не хватало разве что собак в загон. Поначалу так и было: почти не встречая сопротивления, занимали дружинники селение за селением, угоняя в полон мирных жителей. Но чем глубже заходили воины в мордовские леса, а и без того редкие дороги превратились в охотничьи тропы, тем чаще находили свою смерть пришедшие за легкой добычей владимирцы, рязанцы, муромчане, переяславцы. Мордовские лучники нападали тихо, неожиданно, жалили метко и растворялись в лесной глуши. Сколько их было? Двадцать, пятьдесят, сто... никто не знал, но потери с каждым днем становились все ощутимее и ощутимее. Сопротивление вызывало жестокость: деревни сжигались, мужчины убивались, посевы вытаптывались, вырубались священные рощи. Дойдя до тихой извилистой речки, достаточно широкой и полноводной, Всеволод принял решение: возвращаться.

Обратный путь был трудным. Находясь в постоянном ожидании нападения лучников, воины устали, озлобились и потому, проходя через уже

разоренные мордовские деревни, поджигали их, оставляя за собой лишь пепелища. Молодые дружинники, впервые участвующие в походе, роптали, обвиняя во всех неудачах князей, бывалые же воины лишь осуждающе покачивали головами.

Только выйдя к Нижнему Новгороду, князя воочию убедились, сколь велик полон: женщины, дети, более двух сотен молодых мужчин и парней. И, несмотря на то, что после великого голода многие деревни во Владимиро-Суздальском княжестве обезлюдели, только князя рязанские пожелали забрать свою долю полона с собой. Остальные же решили избавиться от пленников, продав их невесть откуда появившимся купцам из южных стран. Те, загрузив лодии живым товаром, пошли и вниз по Волге, и вверх, замыслив продать мордву поближе - татарским ханам.

В ходе походов на мордву шло не просто завоевание новых земель. Мордва и «Русь Пургасова», где расселилось много русских, были освобождены из-под болгарского владычества и от дани, а позже, в результате переговоров русских и болгарских послов, были установлены границы между Русью и Волжской Булгарией. Правда, договор этот был через три года нарушен, и вновь начались боевые действия.

Процесс колонизации русскими князьями приволжских земель резко замедлился после татаро-монгольского нашествия: и русские, и мордва оказались в одинаковом положении – данников орд кочевников. Обескровленная Русь не имела ни людских, ни материальных ресурсов для освоения сопредельных территорий. И в этом была немалая заслуга мордовских племен. Мордва охотно выполняла роль проводников татарских отрядов через болотистую и лесистую Низовскую землю. Наиболее ярким примером тому служит провод по тайным тропам татарского войска в 1377 году на Пьяну, где располагалось русское войско. Вот как это было.

Сборное войско, в которое входили владимирская, юрьевская,

ярославская, переславская и муромская рати, переправились через Оку и, соединившись с нижегородцами, направилось в мордовские земли к реке Пьяне, чтобы встретить татарское войско Арапшаха, которое двинулось из Орды на Русь. Во главе русских полков стоял средний сын нижегородского князя Дмитрий Константиновича, Иван. Дорога к Пьяне была ему хорошо известна. Ровно десять лет тому назад вместе с отцом, дядей Борисом и старшим братом Василием Кирдяпой Иван уже проходил здесь в челе суздальско-нижегородской рати, которая преследовала болгарского князя Булат-Темира, пограбившего окраинные волости Константиновичей. Славный то был поход! Как сокол, настигающий ворона, несколько раз трепала русская рать хвост вражеского отряда. Выскочив на берег Пьяны, воины Булат-Темира замешкались – не было ни бродов, ни готовых переправ. Погоня буквально спихнула их в воду, многие тогда утонули, сам Булат-Темир едва спасся и с малым остатком отряда ускакал на Сарай.

Нынче же шли еще большей силой, только вот с кем ею помериться. Где он, Арапшах? Рать перебралась через Пьяну и остановилась на отдых. Стояли июльские жаркие дни, над лугами стелилась дурманная духота. Расслабленные долгим ожиданием, русские ратники сложили доспехи на телеги и предавались отдыху: ловили рыбу, охотились, купались, пили мед без меры, которого было вдоволь у окрестной мордвы. Люди «ездеша, - вспоминал современник, - порты своя с плеч спущающе, а петли разстегавше, аки в бане распревше...». Об ордынцах говорили снисходительно: «Может един от нас на сто татаринов ехати, поистине никтоже может противу нас стати». В это время мордовские князья тайными тропами подвели татарскую рать к лагерю русских. Отрезвление было ужасным. Второго августа пополудни в русские обозные колонны вонзилось пять клиньев ордынской конницы. Ни один из воевод не оказался в состоянии наладить сопротивление. То, что происходило, нельзя было назвать сражением, это была кровавая бойня. Люди очумело метались: кто разыскивал коня, кто пытался натянуть кольчугу, кто искал древко для наконечника сулицы, большинство же кинулось наутек. Основная масса русских воинов устремилась к Пьяне, ища спасение в ее водах, но нашла там смерть утонули в мутных водах реки очень многие. Кто же спасся от погони – хлебнул потом позора в досталь. А кто до Пьяны

не добежал, оказался в плену, и полон тот был «безчислен». Летописец так описывает это трагическое событие: «Истопша и утопе в Пиане множество князей (в том числе и сына Дмитрия Константиновича Ивана) и бояр, и вельмож, и воевод, и слуг, и воинство бесчисленно, и бысть на всех ужас великий и страх мног, и изнемогша вси и бежаща; полон мног бесчислен собраша и поидоша к Новгороду к Нижнему».

Возбужденные даровой победой, расстояние до устья Оки конники покрыли за три дня и утром пятого августа ворвались в нижегородский нагорный посад. Недостроенный полукаменный-полудеревянный кремль защищать было некому. Дмитрий Константинович накануне с небольшим числом слуг ускакал в Суздаль. Впрочем, горожан своевременно оповестили о невозможности обороны, и ордынцы узрели почти полностью обезлюдившие дворы. Большинство жителей ушло на судах вверх по Волге, в Городец.

Пограбив Нижний, ордынцы сожгли кремль, более трех десятков деревянных церквей и ушли разорять окрестные волости.

А через месяц пришел ожидаемый на Пьяне царевич Арапшах и раграбил Засурье. Князь Борис Городецкий погнался было за татарами, да те ушли за Суру.

Дмитрий Константинович тяжело переживал разорение княжества и гибель сына Ивана. Зимой он собрал рать и под руководством Бориса Городецкого и сына Семена послал на мордву. К ним присоединилась московская рать, над которой Дмитрий Иванович поставил одного из молодых бояр своего совета, Федора Андреевича Свибла. Летописец писал: «И пришедша воеша землю мордовскую, власти и села пограбиша, а жнены их и дети плениша и землю их всю пусту сотвориша, а коих живых приведоша в Новгород, тех казниша смертною казнию и травиша их псы на льду Волзе». То есть, когда рать вернулась в Нижний Новгород, то на виду у всего города, еще черневшего остовами обгорелых дворов,

вытолкали толпу пленников на лед и затравили собаками. Страшное, кровь холодающее зрелище. С тех пор позорную кару стали называть «собачьей смертью».

Поход Дмитрия Константиновича в мордовские земли обезлюдил местность, на которой ныне располагается Шатковский район. Потребовалось немало десятилетий, чтобы в этих местах возродилась жизнь.

Летели годы, шли столетия.

Покорение Иваном Грозным Казани в 1552 году катализировало процесс завоевания новых территорий к востоку и югу от Нижнего Новгорода.

Русификация земель нынешнего Шатковского района началась практически одновременно с основанием Арзамаса. История не зафиксировала точную дату основания Шатков. Однако с большой долей уверенности можно говорить, что произошло это вскоре после основания Арзамаса – в начале 50-х годов XVI века.

Возникновение Шатков связано с созданием так называемой Карлинской черты, линии оборонительных сооружений, протянувшихся от Арзамаса до Казани. Ее сооружение началось сразу после покорения Казанского царства. Опорными крепостями Карлинской черты стали Арзамас, Курмыш, Свияжск, Казань. Между главными крепостями располагались промежуточные опорные пункты и засеки – многокилометровые полосы срубленного леса. В этих оборонительных полосах шириной в десятки метров лес подрубался на высоте человеческого роста, и деревья валились верхушками в сторону возможного появления врага. Подобная

полоса рукотворного лесоповала представляла практически непреодолимое препятствие для конных орд степных кочевников.

На расстоянии 25-30 верст в юго-восточном направлении от Арзамаса располагались два значительных лесных массива. Первый из них именовался Шатковским или Шетковским лесом, второй – Собакинским лесом.

На юге Нижегородской губернии сначала была построена Вадская засека, пересекавшая водораздел рек Пьяны и Сережи. Арзамасская засечная черта проходила от берега Пьяны через Шатки к Ардатову. Имевшиеся в засеках «ворота» - проезды для населения – тщательно охранялись специальными отрядами «засечных сторожей» или «воротников». В документах XVII века упоминаются Пузские (Починковский район), Собакинские (Красный Бор), Шатковские и Ардатовские ворота в Нижегородских засечных чертах. В Арзамасских поместных актах Шатковские ворота упоминаются за 1583 год.

Это была чрезвычайно опасная и трудная служба, малейшая ошибка грозила гарнизону смертельной опасностью. О тяготах и опасностях сторожевой службы красноречиво свидетельствуют строки, взятые из составленного в 1571 году М.И.Воротынским устава станичной службы. «А стояти сторожем на сторожах, с конь не сседа, и ездити по урочищам, переменясь направо и налево по 2 человека по наказом, каковы им наказы дадут воеводы. А станов (остановок) им не делати, а огни не класти не в одном месте; коли каша сварити и тогда огня в одном месте не класть дважды; а в коем месте кто полдничал, и в том месте не ночевать, а где кто ночевал, и в том месте не полднели. А в лесах не ставитца, а ставитца им в таких местах, где б было усторожливо».

Отдельно разговора заслуживает вопрос о происхождении названия населенного пункта «Шатки». В летописных сводах и исторических документах встречается прилагательное «шатковские» (ворота). Этнограф

Трубе считает, что слово «шатки», «шатковские» произошли от глагола «шататься». Засечная линия от реки Пьяна к Ардатову как бы отшатнулась от основной засечной Вадской линии. Один из проходов в отшатнувшейся засеки стал называться «Шатковскими воротами». Когда отпала надобность в воротах, то селение, возникшее на этом месте, стали коротко называть Шатки.

Поначалу Шатковские ворота охраняли казаки из Выездной слободы под Арзамасом. Позже проезд через шатковские ворота сторожили молодые люди, набравшиеся из местного населения по одному человеку от 20 дворов. Со временем они обзаводились семьями и селились около ворот. Поселение имело выгодное географическое положение: ровная местность, река, заливные луга, лес. Это позволило сторожам заниматься охотой, бортничеством, земледелием и скотоводством.

С середины 80-х годов XVI века бывшие Шатковские ворота стали именоваться просто Шатками или Шетками. В некоторых документах той поры встречается название Щетки. Ну а Собакинским воротам суждено было стать деревней Собакиной.

Былые охранные функции Шатков и Собакино перешли к засеке, устроенной в лесу на берегу речки Пузы, где сходились три степи. Эта засека стала именоваться Пузской засекой.

История Шатковской земли напрямую связана с еще одним немаловажным событием в истории Руси – походом Ивана IV Грозного в 1552 году на Казань. По материалам исследований П.И. Мельникова путь его войска пролег: Ичалово, Хирино, «близ которого находятся мары», Корино, Шатки. В районе Шатков оно переправилось через Тешу, затем повернуло на северо-восток, на реку Кевсу, где была шестая остановка войска на отдых (см. карту-схему №2). Существует и вторая версия продвижени (см.

карту-схему №3) царского войска. Есть еще и третья, и четвертая..., что не суть важно. Главное то, что войско Ивана

IV

было на Шатковской земле, проходило по его территории, делало остановку, чему свидетелями курганы, оставленные на пути.

В 50-е – 60-е годы XVI века прилегающие к Арзамасу земли стали платой для участников Казанского и Астраханского походов. Новообретенные земли широко раздавались служилым людям, немалая их часть перешла в собственность казны. Некоторая толика новых территорий досталась даже русским крестьянам. Центральная власть была крайне заинтересована в скорейшем заселении Арзамасского уезда, и по этой причине крестьянам предлагалось покидать хорошо обжитые центральные уезды и переселяться на юго-восточные окраины. Переселенцам предлагались значительные льготы – в течение нескольких лет с них не собирались подати. На территории близ Москвы, Тулы, Калуги пустели целые деревни – их население перебиралось на плодородные новые земли близ Арзамаса.

На смену мордовским князьям, веками правившими Низовской землей, пришли русские помещики и царские приказчики. Коренному мордовскому населению пришлось изрядно потесниться. Присланные из Москвы межевщики по-новому перераспределяли земли и угодья. По соседству с мордовскими поселениями стали расти как грибы первые русские деревни: Хирино, Лукьяновка (Лукояновка), Нечаево, Тоузаковка, Некрасовка, получившие названия по фамилиям первых своих владельцев. Бывшие же Собакинские ворота перешли в ведение Дворцового приказа, стали царской собственностью.

После взятия Казани правительство раздает приобретенные земли не только служилым русским людям, но и татарам. Они получают земли и селятся так называемыми «гнездами». Осело такое «гнездо» и на территории нынешнего Шатковского района.

В 1586 году кадомским татарам Алтышу Алишеву «с товарищи», всего 20 человек, отводится земля в пустоши за Шатковским лесом. Ее границы проходили «от дубравы» на «усть врага Инекель помры да Явилей помры на усть того врага. Да наниз врагом Явилеем до речки до Большого Киля, а наниз Большим Келем до озера Отеркл, по правую сторону Келя Большого, ... а от Отерки озера по Малый Кель, а Малым Келем вверх по стороны до черного леса». Всего земли переселенцам было отведено 300 четвертей в поле, а, кроме того, было отведено «по речкам и по дубравам и по полянкам 400 колен сена» и на усад 8 десятин земли «на Малом Келе, меж двух озер на Ключицах»¹.

Поселенцы основывают поселение, которое в последствии получает название «Татарское поселение на Новом Усаде».

В 1595 году новоусадским татарам Алтышу Алышеву к прежней их даче отводится еще 50 четвертей в одном поле. Межа Новой земли от прежней проходит «поправу леса Помял», а от леса от Помяла через Малый Кель поперег по Большой Кель, а вдоль конец той земли по Иванову землю Загребина да Поняльский вражек да по враг по Явиль...»².

Земли служилых татар не ограничивались бассейном речки Кели. Вместе с мордвой татары проживают в Аламаеве. В грамоте от 1608 года упоминается «деревни Аламаевы татарове Агильдей Емельдяшеев и Черкасы Енгильдеев». Наделяли служилых татар и в бассейне речки Сердемень. В 1595 году служилым татарам Чекею Енгельдиеву и Уразлею Потинину была отведена земля в Арзамасском уезде за Шатковским лесом в пустони Инзинзинове поляне Мельцановской Отяшева. Вместе с ним на той на пустони поместили вновь 10 принятых на службу татар во главе с Байберой Коромышевым. В итоге татарам отделили 78 десятин да на сенные покосы по пашне 200 копен и «под усадища и в околицу 15 десятин».

Таким образом, поместья служилых татар в Шатковском районе встречаются в левом бассейне реки Сердемень (среднее течение), в бассейне реки Кели. Далее вниз по Келе, они занимают часть территории современного Вадского (устье Большой и Малой Кели), Перевозского (низовьев Кели, реки Пьяна) районов.

В начале XVII века татары все еще проживают на отведенных территориях. Но во время смуты Алышев выступил на стороне Лжедмитрия II, за что тот наделяет Алышева в 1608 году 120 четями Смирновского поместья. Это поместье для Алышева оказалось временным, так как впоследствии поместья, розданные самозванцем, были конфискованы. То есть, татары остаются только в Аламаеве, о чем говорит грамота от 1618 года: «Ивановские пустоши

Нелединского земля сошлась в межах с татарскою землею деревни Алемаевы»

Земли у мордвы остается все меньше и меньше. Даже те, немногие оставленные мордве наделы нередко становились объектом корыстных посягательств русских поселенцев, запахивавших чужую землю. И только своевременно поданная в Москву челобитная могла в подобной ситуации помочь коренным жителям отстоять свои погрязшие владельческие права.

В государственных архивах России хранятся сотни документов о межевых спорах конца XVI – начала XVII века. Вот выписка из межевой книги 1600 года: «И Юшка Лобанов в Арзамаской уезд в мордовскую деревню на Великий враг нового Тюгелева спорные земли мордовские дозирати ездил, и по Юшманову дозору на той на мордовской на спорной земле великовражской нового Тюгелева мордвы Учесья Каргашина с товарищи по писцовым книгам пашни 100 чети. И по государеве грамоте... и по наказу Ивана Яковлевича да подьячего Федора Бранова Юшман по дозору своему тое землю отказал великовражской нового Тюгелева мордве, что на Великом враге, Учесью Каргашину с товарищи, о которой земле били челом государю Олубек да Ждан Томаевы, и велел им тою землею владеть по прежнему, как они прежде того владели, а Улубеку и Ждану мурзе Томаевым в тое их в мордовскую спорную землю вперед вступаться не велел...».

Владельцами Шатков стали помещики Болтины. В списке первых русских поселений Арзамасского уезда Шаткам принадлежала далеко не доминирующая роль. Из прежнего важного опорного пункта они превратились всего лишь в топографический ориентир. Топографическим ориентиром были даже не Шатки, а Шатковский лес.

Вот некоторые примеры.

«Лета 7094 (1586г.) июня в 29 день по наказу государева наместника и воеводы Микифора Павловича Клементьева, Богдан Нечаев да Наум Ермолин ездили в Орзамаской уезд за Шатковский лес во князь Ивановскую вотчину Гагина...».

«Лета 7101-го (1593г.) ноября в 14 день по государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте и по наказу Нечая Федоровича Благово и по выписи с орземаских книг верстанья и роздачи Микифора Чепчугова, недельщик Дорога Быков отделил в поместья Неугоду Арбузову сыну Трескину в Орземаском уезде за Шетковским лесом в Трентиевском поместье Истомина сына Гольцова 50 четвертей к утишному ево поместью ви-ево оклад...».

«Лета 7101-го генваря в 4 день по государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всеа Руси грамоте и по наказу Нечая Федоровича Благово, Ермола Языков, взяв с собою окольных людей понятых, ездил в Меньшиковское поместья Сурманова сына Аристова, что дано было ему за Шатковским лесом...».

В книге Н.Щеголькова «Исторические сведения о городе Арзамасе» сказано, что Иваном Грозным в Арзамасском районе построены пять сельских храмов: в селах Четвертакове, Кавляях, Ивановском, Шатках и Малой Якшени. Это утверждение Н.М.Щеголькова основано лишь на собранных им местных преданиях и не подкреплено документальными доказательствами. Идущему на покорение Казани царю было не до строительства сельских церквей – его одолевали куда более важные заботы.

Автор: Алексей Плотников
24.03.2006 17:48

Первыми храмоздателями (строителями храмов) были набожные владельцы деревень. Деревня Шатки перешла в более высокий ранг сельца или села, т.е. обзавелась церковью, лишь в конце 60-х – начале 70-х годов XVI века. До этого во всех документах Шатки (Шетки) именуются деревней.

Первый свой храм шатковцы возвели в честь Николая Угодника. Та первая церковь была деревянной, поэтому до наших дней не сохранилась. Дошедшие до нас документы сохранили имена тогдашних шатковских священнослужителей. В 1585 году в Никольской церкви служили поп Павел и дьячок Трешка Борисов сын Олферьев. Через десять с небольшим лет (в 1596 году) в этом храме крестил, венчал и отпевал местных жителей поп Афанасий Дмитриев.

Пастырям той далекой эпохи приходилось выполнять не только свои прямые духовные обязанности, но и функции помощников стряпчих: они активно участвовали в межевании земель, подписями скрепляли различные документы.

Священнослужителями приходилось быть и миссионерами, несшими язычникам свет христового учения. Правда, в этом чрезвычайно деликатном деле шатковские и прочие слуги Христа не преуспели – мордва неколебимо придерживалась обычаев и верований предков.

Судя по документам конца XVI – начала XVII веков, мордовское население Арзамасского уезда все клятвы давало не на кресте, а по шерти. Своих покойников мордва также хоронила по языческим обычаям, о чем свидетельствуют сохранившиеся на территории Шатковского района курганы.

Достаточно долго эти земляные насыпи считались следами пребывания на Нижегородской земле войск Ивана Грозного. Однако, археологические раскопки, проведенные московскими и нижегородскими археологами, показали, что курганы близ села Хирино – мордовские захоронения XVI-XVII веков.

Хотя миссионерская деятельность русского духовенства на территории бывшего Арзамасского уезда не дала сиюминутного положительного эффекта, нельзя отрицать ее высокого общественного значения. Впоследствии, в XVIII веке, когда Русская православная церковь и государственная власть занялись крещением приволжских народов, легче всего крестилась именно мордва: в полной мере сказалось и длительное бок о бок сосуществование с русскими, и просветительская деятельность русского духовенства.

Как уже отмечалось, на рубеже XVI – XVII вв. современная территория района входила в состав Арзамасского уезда. Она относилась к трем станам – Тешскому, Ичаловскому и Залесному. Арзамасские поместные акты с 1583 по 1618 годы свидетельствуют о существовании следующих сел и деревень. В Тешском стане – с. Собакино, д. Пасьяново, с. Кобылино, д. Нечаевка, д. Уланки, д. Озерки, д. Солянка, д. Лукъяново, с. Шатки, д. Хирино, с. Измайлово, с. Алферьево, д. Ратманово, д. Вонячка, д. Кирманы, д. Кардавилъ, д. Кирино. В пределах Тешского стана существовали также тогда и такие деревни, как Катеринкина, расположенная на речке Озерке рядом с Пановом, деревня Серебряново на враге Чипулее, притоке речки Озерки. Села Варгалеи, Паново и деревни Курултяево и Тозауково были отнесены к Ичаловскому стану. В Залесском стану, за Шатковским лесом располагались деревни Алемаево, Смирново, Малая (Меньшой) Якшень, Вечкусово, Старое Тючелево, Великий Враг, Иванцево, Чепары, Анненково,

Автор: Алексей Плотников
24.03.2006 17:48

Шарапово, Свербино и села Печерки и Силино. В Арзамасских поместных Актах также сообщается о д. Новый Усад на речке Малая Келя, селищах Собаевском и Инюшевском на речке Нарземе.

Территорию пересекали реки: Теша, Озерки, Вонючка, Ельтма, Нарзема, Келя, Сердезь, Ливеша, Аратка, Пша и другие мелкие речушки.

Мордва проживала в то время в Пасьянове, Кардавиле, Корино, Алемаеве, Вечкусове, Великом Враге, Иванцеве. Надо отметить, что еще ранее была кардавильской мордвы деревня Серебряново, а вот селища Собаевское и Инюшевское в 1598 году записаны как вымороченные. Татарам принадлежала д. Новый Усад, проживали они совместно с мордвой в Алемаеве. Остальные населенные пункты были русскими. Крупными поселениями, насчитывавшими более 50 дворов, являлись Кобылино, Собакино, Паново, Шатки,

Поселения были обнесены изгородью, для въезда сделаны ворота. На некоторых речках и оврагах, находящихся в черте сел и деревень, устроены пруды. «В селе ж Панове водное егодьё – пруд большой». Большой пруд описан в поместных актах и в д. Тоузаково, а в д. Катеринкине – «пруд середний».

В русских селах действовали деревянные православные храмы. В Измайлове – церковь Дмитрия Солунского, в Алферье – Екатерины Христовы мученицы, в Шатках – Никольская, в Панове – сразу две – «церковь Рождества Христова о трех верхах» с приделами Николы Чудотворца, Богоявления и Пречистые Казанские и «церковь Василия Блаженного с трапезою теплою», колокольня «рубленая шатром и с переходы, а на колокольне колокол большой и колокол середний»¹.

Помещичьи усадьбы были огорожены, а во дворах – хоромы: «... горницы на подклетке с сенями и с переходы, повалушки, погреба, ледник, сушила, мыльня, житницы; на конюшенном дворе располагались сенницы, денники, конюшни. Во дворе помещика находились также поварня с избой, винокурня, людские избы и шалаши, гумно, овин, огород». В огороде росли овощи, яблони, а некоторые помещики имели заячий сад с зайцами.

Поселения соединялись дорогами. Одни имели местное значение и носили название ближайшего населенного пункта. Например, по Хиринской дороге ездили и ходили от Измайлова к Хирину, Вонюччинская дорога вела к деревне Вонючка, Отингеевская – от Федоровки к деревне Отингеево, Великовражская дорога Нового Тюгелева пролегла через речку Сердезь.

Существовали и большие дороги. Большая Алатырская дорога располагалась слева от реки Теша. По территории района проходила и древняя татарская дорога – сакма. Она пересекала Собакинский лес, реки Большая Келя и Якшень.

Население в основном занималось земледелием и скотоводством, у мордвы широко было распространено бортничество (сбор меда диких пчел) в лесах – «ботных ухажьях». Известны Чиндяевский ухажей на речке Астре, Арателемский на речке Арати, Чювтасев около Шарапова.

Несомненно, крестьяне занимались и ремеслами, и охотой, и рыболовством. Рыболовство было развито по течению рек и на озерах. «... А река Пьяна и речка Елеза (Ливеза) вся ужожа, рыбные ловли есть, омуты глубокие».

Земли нынешнего Шатковского района принадлежали помещикам: Болтиным, Анненковым, Левашовым, Товарищевым, Долгоруковым, Тоузаковым, Пановым, Саврасовым, Путятиным, Базметьевым, Сычевым, Милениным, Языковым, Любятинским и др. В поместье находились земли и у служилых татар. Вотчинное и

монастырское землевладение в то время практически отсутствовало. Были государственные земли – земли, отписанные на «государя царя» или принадлежащие государственным селам (таким было село Собакино). Принадлежали государству также «черные леса». Мордва владела землей, записанной за своими деревнями.

Относительно спокойная, размеренная жизнь Арзамасского уезда, как и всего Московского государства, продолжалась до конца XVI века. В начале нового, XVII века Русь поразил невиданный до того неурожай. Все лето 1601 года лили непрерывные дожди, а в середине июля неожиданно-негаданно ударили морозы, погубившие остатки растительности на полях. Следствием неурожая стал невиданный, продолжавшийся почти два с половиной года голод. Голодали центральные области Руси: Москва, Рязань, Тула, Владимир, Нижний Новгород. Люди вынуждены были питаться грибами, лесными ягодами, а порою травой и растолченной корой молодых деревьев. Лепешки из этих растительных суррогатов были единственной пищей беднейших слоев населения. Немудрено, что в пораженных голодом уездах вымирали целые деревни. С 1601 по 1603 год одна только Москва потеряла около 130 000 жителей.

Немного лучше обстояли дела и в Нижнем Новгороде. Цены на продукты резко вздорожали, и беднякам оставалось надеяться только на чудо.

Спасительницей многих горожан стала дворянская вдова Ульяна Осоргина (Осорьина). В первый неурожайный год сердобольная женщина пожертвовала голодающим согражданам все имеющиеся у нее запасы зерна. Во второй неурожайный год она распродала свое имущество и на вырученные деньги кормила особо нуждающихся жителей города.

Капризная природа пощадила арзамасцев: ни проливные дожди, ни июльские морозы не сгубили их урожай. Жителям Арзамасского уезда в отличие от многих соотечественников, не пришлось голодать. В сохранившихся арзамасских документах начала XVII века нет ни слова о терзающем Россию голоде.

Более того, поразивший Русь голодный мор стал золотой жилой для арзамасских землевладельцев – все собранное на их полях и огородах отправлялось на рынки Нижнего Новгорода и там втридорога продавалось голодающим.

Арзамасцам недолго пришлось пожинать плоды удачно сложившейся для них конъюнктуры.

Осенью 1604 года в небе над Нижним Новгородом и Арзамасом появилась необычайной яркости комета, видимая даже днем. Ее появление народ воспринял как дурной знак, предзнаменование грядущих тяжких потрясений. И эти трагические события не заставили себя долго ждать.

В апреле 1605 года скончался Борис Годунов. Его смерть стала прелюдией серии кровавых лет, до основания потрясших Русь. Московское государство вступило в самую страшную фазу Смутного времени.

Освобожденный царем Борисом русский престол захватил польский ставленник Лжедмитрий I. Будь, объявивший себя чудом спасшимся сыном Ивана Грозного, Григорий Отрепьев чуть умнее, он смог бы гораздо удачнее воспользоваться предоставленным ему судьбою счастливым шансом. Возможно, он даже смог бы остаться на русском троне. Однако слишком возомнивший о себе самозванец принялся насаждать в России католическую веру, за что жестоко поплатился. Терпения москвичей, оказавшихся под польской пятой, хватило на год: в мае 1606 года в городе началось восстание, польскую марионетку убили, а русским самодержцем объявили боярина Василия Шуйского.

В очень сложной политической игре арзамасцам суждено было сыграть далеко не самую удачную роль. Большая часть арзамасского дворянства, сформированного преимущественно из крещенных татар, в Смутное время не

проявили ни должного патриотизма, ни достаточной политической прозорливости.

Арзамасцы, в том числе и шатовцы, вместе со всеми остальными российскими городами и весями, без колебаний присягнули на верность Лжедмитрию I, не подозревая, что присягают самозванцу. Верность этой присяге они свято хранили до конца жизни Лжедмитрия. Многие жители, как Арзамаса, так и Арзамасского уезда, не поверили присланной из Москвы грамоте: «... праведным судом Божиим за грехи всего крестьянства богоотступник, еретик и чернокнижник беглый монах Гришка Отрепьев, назвавшись царевичем Димитрием Углицким, прельстил московских людей, был на московском престоле и хотел поправить христианскую веру и учинить латинскую и лютерскую. Но Бог объявил людям его воровство, и он кончил жизнь свою злым способом...».

Не успел боярский царь Василий Шуйский по-настоящему войти в новую роль, как на Руси объявился очередной польский ставленник – Иван Исаевич Болотников, бывший крепостной и бывший раб-гребец с турецкой галеры. Болотникову повезло – немецкие или венецианские моряки захватили корабль и всем рабам предоставили свободу.

На родину освобожденный «раб» Болотников возвращался через Польшу. В городе Самборе произошла его встреча с самозванцем, выдававшим себя за царевича Дмитрия Ивановича. Этим мнимым царевичем был некий Молчанов. О чем беседовали Молчанов и Болотников, неизвестно. Но вскоре Иван Исаевич, получивший несколько рекомендательных писем, отправился к путивльскому воеводе князю Шаховскому. От Шаховского Болотников получил более 10 000 солдат.

Оказавшись в пределах России, Болотников принялся рассылать во все концы бесчисленное количество «прелестных» писем [№61482](#). В тех письмах он утверждал, что видел живого и здорового царевича Дмитрия Ивановича, который назначил его своим гласным воеводою. В адресованных крестьянам, холопам и иноверцам подстрекательских воззваниях звучал призыв истреблять бояр и дворян.

Призывы Болотникова к восстанию падали на благодатную почву. Укрепление центральной власти в России создавало объективные предпосылки для социальной нестабильности: в последние годы царствования Ивана Грозного и в период правления его преемников началось интенсивное закабаление русского крестьянства и иноверцев.

Закрепощение крестьян началось в 1497 году, когда был введен так называемый Юрьев день (26 ноября). С 1497 года право крестьян на переход от одного помещика к другому ограничивалось двумя неделями в конце ноября – начале декабря.

В 1581 году переход был запрещен, а всех крестьян начали записывать за хозяевами в писцовые книги. В 1597 году последовало запрещение на право выкупаться из кабалы. А через девять лет (в 1606 году) помещикам было дано право на пожизненный розыск беглых холопов.

Указ 1606 года стал последней каплей, переполнявшей чашу терпения народа. Закабаленные крестьяне готовы были поддержать кого угодно в борьбе с ненавистной властью.

Прелестные письма Болотникова с призывом истреблять угнетателей всколыхнули всю сермяжную Русь. Под его знамена устремились тысячи крестьян и холопов. Не остались в стороне и смерды Арзамасского уезда. Толпы крестьян из Шатков, Хирина, Собакина, Озерок и Панова отправились в отряды Болотникова. Не осталось в стороне и мечтавшая об освобождении от власти Москвы и мордва. Вместе с русскими смердами к Болотникову шли и сотни жителей мордовских селений. Призыв истреблять общих врагов – бояр и дворян – сказался сильнее национальных различий и противоречий.

Собрав достаточные силы, Болотников двинулся на север, к Москве. Его армия подошла к стенам столицы, но преодолеть их не смогла. Правительственные войска ценой невероятных усилий сумели отбросить повстанцев к Калуге, а осенью 1607 года запереть в Туле. После трехмесячной осады «главного воеводу царевича Дмитрия» пленили, ослепили, а потом утопили.

Единомышленники от Болотникова постоянно требовали предоставить доказательства спасения царя Дмитрия Ивановича. Сделать этого Болотников не смог.

Вместо него это сделали поляки. Увидев, что болотниковская карта бита Шуйским, польские кукловоды извлекли из своего политического реквизита другую марионетку без роду и племени, Лжедмитрия II. Подлинное имя его историки так и не установили: одни исследователи считали его учителем-белорусом, другие – крещеным евреем.

Основной задачей Лжедмитрия II был захват русского трона и низложение Шуйского. Лжедмитрий II собрал громадное разношерстное воинство, и которое формировалось из дворянства южных городов, приволжского дворянства, под его знаменами оказались и холопы из остатков армии Болотникова. Из приволжских городов только Нижний Новгород сохранил верность Шуйскому.

Как и Болотников Лжедмитрий II вплотную подошел к Москве, но захватить ее не сумел. Ему пришлось довольствоваться военным лагерем в Тушино, из-за чего получил прозвище Тушинского вора.

Как только эмиссары Лжедмитрия II появились близ Арзамаса, местные дворяне и боярские дети стали присягать ему на верность. Многие из присягнувших наивно думали, что в стране объявился ранее царствовавший Дмитрий Иванович. Одной простой вещи не могли понять эти любители присягать самозванцам – зачем понадобилось второе целование креста, ведь одна присяга царю Дмитрию уже была.

Как уже говорилось, не присягнул Тушинскому вору лишь Нижний Новгород: его гарнизон и посадские оказались патриотичней и прозорливей арзамасцев.

И тогда арзамасские приверженцы Лжедмитрия II решили выступить в поход на Нижний.

Летописи называют разных предводителей арзамасцев.

В Столяровской летописи сказано: «Орзамас и Олатарь... с уездами были в измене, от царя Василья отложились... А на Олатыре воеводу Ждана Степановича Сабурова воровские люди в воду посадили (т.е. утопили). А Нижний Новгород стоял за царя Василья, от воров, от русских людей был в осаде, а стояли под Нижним русские люди и бортники и мордва, а с ними был за воеводы место Иван Борисов сын Доможиров».

Никоновская летопись сообщает практически то же самое, но называет иных командиров: «В те времена собрався мордва, бортники и боярские холопы и крестьяни и приидоша под Нижний Новгород осадиша, в них же старейшин два мордвина, Москов да Варкадин и стояху под Нижним и многия пакости граду делаху».

Конец «стояху» положил князь И.М.Воротынский, наголову разбивший осаждавших. Уцелевшая после устроенного Воротынским побоища часть арзамасцев ушла под Москву в лагерь Тушинского вора. Часть укрепились в Арзамасе, Алатыре и Ядрине. Не пожелавший сдаться Арзамас был взят все тем же князем И.М.Воротынским.

Поход Воротынского на Арзамас отрезвил многих местных дворян и детей боярских, заставил их по-новому взглянуть и на положение в Московском государстве, и в собственном уезде. Свыше 300 арзамасцев присягнули Шуйскому.

Их боевая служба началась весной 1608 года. Сводный отряд рязанских и арзамасских дворян бился с поляками под стенами Пронска, однако взять город не смог. Выстрелом из пищали поляки ранили командира осаждавших, Прокопия Ляпунова, и арзамасцы вынуждены были отступить.

Командование над арзамасцами принял брат раненого воеводы, Захар Ляпунов. 30 марта 1608 года арзамасцы под его командованием приняли свой главный и последний бой. Близ Зарайска наступающим арзамасско-рязанским отрядам пришлось схватиться с польско-литовским отрядом под командованием Александра Лисовского. В том скоротечном и кровопролитном бою практически все арзамасцы были истреблены.

Вот как это трагическое событие описывает Столяровская летопись: «... Захар Ляпунов с ратными людьми, с резанцы и с арзамасцы пошли под город под Заразской. А в городе в Заразском сидел полковник Александр Лисовский и с ним литовские ратные люди, и черкасы, и русские всякие воры. И как московские люди пришли под город под Заразской, на поле, и лисовский со всеми людьми из города вышел на бой, и с резанцев и с арзамасцы был к него бой, и резанцев и арзамасцев побил и много живых поймал...».

А вот что по этому поводу говорит Никоновская летопись: «В Переславле Резанском, слыша воеводы, что Зарайской город литовские люди взяли, и послаша под Зарайской город ратных людей; воевода с ними бысть Захарий Ляпунов, и приидоша под Зарайской город не промыслом, со пьяна. Лисовский же виде из Зарайскова, московских людей побил на голову и многих живых поймали: единых арзамасцов убиша на том бою триста человек; трупы же их Лисовский повеле похоронити в одно место, в яму, и содела ту над ними для своей славы курган великий: той курган стоит и до ныне...».

Курган над могилой павших арзамасцев сохранился до наших дней. Сейчас его венчает гранитная плита с надписью: «Русским воинам защитникам города Зарайска, павшим в сражении с польскими захватчиками в 1608 году».

Имевший значительный численный перевес объединенный рязанско-арзамасский отряд, как это ни прискорбно, потерпел сокрушительное поражение – поляки лучше владели оружием и пошли на битву трезвыми. Но в чем нельзя упрекнуть арзамасцев – они бились до последнего. Среди геройски погибших под Зарайском арзамасских воинов были Андрей Ульянин, Михаил Москатиньев, Сильвестр Лопатин и Асан Микульский.

Уход под Москву трехсот сторонников Василия Шуйского имел крайне негативные последствия для положения дел в самом уезде: власть в Арзамасе захватили воевавшие за Тушинского вора их противники. Ударной силой тушинцев стали многочисленные недобитые шайки из войска Ивана Болотникова. В уезде вновь воцарилась анархия – пылали помещичьи усадьбы, а крестьяне и холопы уходили в повстанческие отряды.

Полностью подчинив себе уезд, арзамасские сторонники Лжедмитрия II предприняли вторую вооруженную

экспедицию против хранящего верность Шуйскому Нижнего Новгорода.

Возглавил этот бесславный поход князь Семен Вяземский. Собрав под своими знаменами арзамасцев, татар, черемис, поляков и жителей некоторых сел Нижегородского уезда /Ворсмы, Павлова/, 5 декабря 1608 года Вяземский осадил Нижний Новгород. Нижегородские воеводы князь Александр Репнин и Андрей Алябьев наголову разбили собравшуюся под стенами города разношерстную рать.

После этого в различные города России, поддерживавшие Тушинского вора, нижегородцы разослали письма с предложением переходить на сторону Василия Шуйского. Вот как в этих депешах описывается победа над воинством Семена Вяземского.

«Декабря ж в 5 день приходили к Нижнему воровские люди

нижегородцы и арзамасцы
дети боярские, и татаровя,
и черемиса, и всякие
подымные люди, к Нижнему
приступали; и Божиею
милостию и Пречистые
Богородицы, и Московских
Чудотворцев помощью, и
государевым счастьем, на
вылазке воевода Ондрей
Семенович Алябьев с
дворяны и с детми
боярскими, и с головами
стрелецкими, с литвою и с
нижегородцы с посадскими

С ОХОЧИМИ СО ВСЯКИМИ
служилыми людьми, воров
под Нижним всех побили и
языков поимали болши трех
сот человек, а побивали их,
воровских людей, на
пятинадцети верстах и
болши, а знамена и набаты
поимали, а ушло тех
воровских людей немного,
врозь, потому что стала
ночная пора, и государевы
люди пришли в Нижний, дал
Бог здорово...».

В течение ближайших
двух-трех дней от
«воровских людей», т.е.
сторонников

Лжедмитрия II, очистили
Ворсму и Павлово, а
затем дошел черед и до
Арзамасского уезда.

Кого-то из противников
Шуйского казнили,
кого-то заставили

присягнуть московскому
царю, после чего
отпустили.

Сложившейся в
Московском
государстве
чрезвычайной
ситуацией в полной
мере сумели
воспользоваться

инородцы. Мордва активно участвовала в походе на Нижний Новгород Ивана Доможирова, татары и чувашаи были ударной силой войска Семена Вяземского.

Татары и черемисы

не только ходили под
Нижний Новгород,
начались регулярные
безнаказанные
набеги их конных
банд на Арзамасский
уезд. «Народные
мстители» Ивана
Болотникова
безжалостно
истребляли

попадавших им в руки дворян, татары и черемисы не щадили никого: убивали как помещиков, так и холопов. После подобных набегов от деревень оставались лишь дымящиеся головешки да трупы убитых жителей.

К этому времени
Шатковские и
Собакинские
ворота пришли в
полную негодность,
и отряды конных
повстанцев могли
беспрепятственно

ДОХОДИТЬ даже до
Арзамаса.

Вот красноречивый
документ той
страшной поры.

«В нынешнем
121-м /1613/ году
сентября в 18
день прислана в
Орзамас ис под
Москвы от бояр
грамота за

подписью дьяка
Василья Июдина,
а в грамоте пишет.
Бил де челом
Московского
государства
бояром Иван
Чюркин, а сказал:
в прошлом де и во

118 (1610) году
приходили на
Арзамасския
места воевати
татаровя, горные
черемиса и
чуваша, и
поместье де ево
выжгли и людей и

крестьян высекли,
и ныне де ево
поместье от
черемис
запустело. И
Офонасию
Пилюгину с
сторонними
людьми тово

поместья дозрить
и обыскать, от
чево запустело, и
сколько в
живущем
крестьян.

И я Офонасей
заехал в том
Иванове
поместье, в
деревне
Новоселках, в
живущем
крестьян: д./вор/
Василий

Плакида, а пашни
2 чети земли, д.
Лаврентей
Иванов, а пашни
четы земли, д.
Давыд
Лаврентьев, а
пашни четы
земли, и всего в

живущем
четвертные
земли 4 чети. Да
в том же
Иванове
поместье пустых
дворов, которые
крестьяне
ссечены от

татар, а жены и
дети разбрелись
розно: д.
Власков, д.
Терехин, д.
Васькин, д.
Левин, двор
Федоров, д.
Кузьмин. Да в

том же Иванове
поместье
горелых же
дворовых мест,
которые сожгли
ратные люди: д.
Фетки
Яговитина, д.
Овдокимов, д.

Жарков, д.
Олешин, д.
Онохин, д. Ивана
Овчинника, д.
Ондрюхи Козла,
д. Федосков, д.
Екимовский. И
всех пустых и
горелых без

двора 20, а
земли пустые 56
четвертей».

В этот период
арзамасское
дворянство

оказалось в
крайне
затруднительно
м положении:
кого-то из
дворян убили в
междоусобной
войне, у кого-то

болотниковцы
или татары
сожгли усадьбу,
у кого-то
разбежались
все крестьяне.
В
экстремальной

ПОЛИТИЧЕСКОЙ
обстановке
выживали
наиболее
безнравственны
е. Потеряв
собственное
имение, они

стремились
отнять
сохранившиеся
поместья
родственников
или соседей.
Для захвата
чужой

НЕДВИЖИМОСТИ
ИМЕЛИСЬ ДВА
ОСНОВНЫХ ПУТИ.
Чаще всего в
ход пускалась
клевета.
Законный
владелец

понравившегося
клеветнику
поместья
объявлялся
«вором»,
сторонником
конкурента
того, кто в тот

МОМЕНТ
находился на
троне, после
чего доносчик
вскоре получал
из Москвы
владельческие
права на имение

ОКЛЕВЕТАННОГО ЧЕЛОВЕКА.

В других
случаях
законные

**владельцы
поместий, часто
вдовы и дети
убитых, силой
изгонялись из
своих владений.**

Арзамасские
сторонники
Василия
Шуйского под
Зарайском
отдали свои
жизни за
законного царя

и Отечество, а
их противники
из стана
Тушинского
вора отняли у
оставшихся
без
кормильцев и

ЗАЩИТНИКОВ
ВДОВ И СИРОТ
ПОМЕСТЬЯ.
Например,
имение
погибшего под
Зарайском
Асана

Микульского в
селе Панове
стало добычей
некоего
Михаила
Темкина.
Вдове
погибшего

героя
Соломониде и
трем его детям
понадобилось
несколько лет,
чтобы
восстановить
справедливость

ь и вернуть
имение.

Победа над
сторонниками
Лжедмитрия II

ПОД СТЕНАМИ
НИЖНЕГО
НОВГОРОДА НЕ
СТАЛА
ПЕРЕЛОМНЫМ
МОМЕНТОМ В
БОРЬБЕ С

ПОЛЬСКИМИ
окупантами. В
1609 году
Польша
начала
открытую
интервенцию

ПРОТИВ
МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВА.
24 июля 1610
года
МОСКОВСКОЕ
ВОЙСКО ПОД

КОМАНДОВАНИЕ М КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА ШУЙСКОГО В БОЮ С ПОЛЯКАМИ ПОД

Клушином
потерпело
сокрушительн
ое
поражение. В
плен попал
князь

Дмитрий
Шуйский.
Полякам
достались
богатейшие
трофеи: семь
пищалей, весь

обоз русской
армии и все
русские
знамена /в том
числе и знамя
Василия
Шуйского/.

Результатом
военного
поражения
стало
насильственн

ое смещение
Шуйского с
престола и
пострижение
его в монахи.
В августе
1610 года

МОСКОВСКОЕ
БОЯРСТВО
ПРИГЛАСИЛО
НА ТРОН
ПОЛЬСКОГО
КОРОЛЕВИЧА
ВЛАДИСЛАВА,

а в октябре
того же года
поляки
заняли
московский
кремль.
Тогда же

бояре-предат
ели передали
Василия
Шуйского
гетману
Жолкевскому
, который

отправил
бывшего
русского
царя в
Польшу.
Через два
года Василий

и Дмитрий
Шуйский
умрут при
подозрительн
ых
обстоятельств
вах в

Гостыньском замке.

Московское государство

оказалось на
коленях
перед
Польшей, и
мало кто
верил в

способность
его
оправиться
от военно -
политическо
го краха.

Вслед за
Василием
Шуйским
сошел с

ПОЛИТИЧЕСКО Й АРЕНЫ И ЕГО ГЛАВНЫЙ ОППОНЕНТ, ЛЖЕДМИТРИ Й II. МСТЯ ЗА

казненного
царя
касимовског
о, в декабре
1610 года
его

зарубили на
охоте
братья
Урусовы.

В казалось
бы
безвыходно
й ситуации
одним из
тех, кто не

потерял
присутстви
я духа,
стал
нижегородс
кий

посадский
человек
Кузьма
Минин.
Минин
обратился к

сограждана
м в
Нижнем и
других
городах с
призывом

создавать
народное
ополчение.

Вот как
описывает
этот
кульминац
ионный

МОМЕНТ НИЖЕГОРОД СКИЙ ПИСАТЕЛЬ В.А.

Шамшурин в романе «Жребий Кузьмы Минина»:

«Но вот
встрепенул
ась и снова
замерла

толпа. На
бруссяной
помост —
торговое
лобное

Место, с
которого
по
обыкновен
ию

разглашал
и свои
вести
бирючи,
площадные

ПОДЪЯЧИЕ,
ТАМОЖЕННЫ
Е И
ПОСАДСКИЕ
СБОРЩИКИ,

взошел
Кузьма.
Неторопли
во снял
шапку. И

ВСЕМ СТАЛО
ВИДНО, ЧТО
ТЕМНЫЕ
ГУСТЫЕ
ВОЛОСЫ НА

его голове,
подстриже
нные
скобкой,
разительно

отличались
от его
белесой
бороды.
Уверенная

стать крепкого и зрелого мужа, собранность

ь и
степенност
ь его
внушали
почтение.

Однако
Кузьму

чуть не
бросало в
дрожь от
сильного
волнения,

перехваты
вало горло.
Все
последние
сумятные

ДНИ И НОЧИ С ИХ тревогами И опасениям

И
навалились
сейчас на
него
неимоверн

ОЙ
ТЯЖЕСТЬЮ.
Собрав
ВСЮ СВОЮ
ВОЛЮ,

Кузьма,
наконец,
поборол
ником не
замеченну

Ю
СМЯТЕННОСТ
Ь. И
увидел
СОТНИ ГЛАЗ,

ЧТО С
надеждой,
сострадани
ем,
мольбой и

одобрение
м, а
кое-где и с
недоверие
м,

насмешкой
и
неприятно
ю
воззрились

на него.

- Люди
нижегород

ски-ие! –
натужным,
срывающи
мся
голосом

закричал
он. Толпа
подавалась к
помосту,
чтобы

лучше
слышать.
И
невольный
соучастлив

ый порыв
многих
ободрил
Кузьму.
Крепчая,

ГОЛОС ЕГО
далеко
разнесся
над
ГОЛОВАМИ. —

Не
обессудьте
, что в
будний
день велел

ЗВОНИТЬ В
КОЛОКОЛ,
ЧТО СОЗВАЛ
вас, да
сроки не

терпят.
Над
разверсто
ю бездною
отечество

наше.
Равно
претерпев
ают злое
ЛИХО,

принимаят
смерть от
вражьего
да
изменного

меча и
родовитый
муж, и
черный
тяглец, и

ПАХОТНИК.

А еще

горше

матерям,

женам и

чадам их,
что,
потерявши
заступнико
в, безвинно

преданы
на муки и
позор.
Праха и
пепел

замечают
русскую
землю...

Жгли
слова, как
раскаленно
е железо.
Жгли,

НИКОГО не
щадя,
НИКОМУ не
давая
ПОСЧИТАТЬ

себя
сторонним
и
безучастны
М.

- Великое
неустройство
во в
государств

е нашем.
Бесцарств
ие и
разброд.
Воеводы

же,
собравшись
с
войсками
на

Очищение
Москвы и
встав у ее
стен,
учиняют

усобицы,
города
обирают.
Немалые
деньги

тратят, да
все новой
подмоги
просят, а
проку

никогого.
И кой же
прок будет
без
согласия?!

Кузьма
перевел
дух.
Охваченна

я скорбью,
безмолвств
овала
толпа.
Было так

ТИХО, ЧТО
даже
приплескив
ание Волги
явственно

услышал
каждый.

И ВНОВЬ

заговорил
староста:

- Наши

распри –
на руку
насильника
м. Точно
ВОЛКИ

разбродно
е стадо без
пастыря,
ОНИ
норовят

пожрать

нас

порознь.

Многи

грады

пограблен
ы да
сожжены.
Дойдет
черед и до

Нижнего.
Дойдет,
никуда не
укроемся.
Так что

же?

Нового ига

ждем?

Пошто о

едином

отпоре не
печемся и
никоторого
промысла
не чиним?

Чужа ль
беда
околь, а
не наша?
Чужа?..

Общий
глубокий
вздох был
ответом

Кузьме. Он
провел
рукой по
взмокшему
лбу.

- Чего ж
колебаться
? Богу
жаль куря

дать, а
черт
возьмет и
барана.
Ныне с

себя не
спросим —
опосля ни с
кого не
посмеем,

веры нам
не будет.
Наш час
пришел. За
нами –

ВОЛЯ И
ПРАВО.
Чаю,
МНОГИХ
ПОДЫМЕМ,

КОЛИ САМИ
ВСТАНАЕМ
КУПНО ЗА
ЕДИНО.
Сообща за

ОДНО.
Купно за
едино!..

Сердце
бешено
КОЛОТИЛОСЬ
в груди
Кузьмы и

ГОТОВО
было
разорваться
я.

Но Кузьма
уже не
сдерживал
его, не
щадил.

- Так
ПОХОТИМ
ПОМОЧЬ
русской

земле
устроением
ратным! И
не
пожалеем

ничего!
Никаких
денег! А не
хватит
добра у

нас —
дворы
продадим,
того не
достанет —

Жен с
чадами в
кабалу под
залог
отправим!

Либо
гибель
всем —
либо
избавление

**всем! Быть
ли такому
приговору?
!**

- БЫТЬ! – В
СОМОЗАБВЕН
НОМ
ИССТУПЛЕНИ
И МОЩНО

ВЫДОХНУЛА
ТОЛПА»».

Первыми

на его
призыв
откликнулся
и
некоторые

арзамасск
ие
боярские
дети и
обосновав

шиеся в Арзамасе беженцы из Смоленска

, Вязьмы и Дорогобу жа.

Пока
подлинны
е
патриоты
готовили

отпор
врагу, в
Арзамасе
разворачива-
лись

события
совсем
иного
рода.

Через

три месяца после гибели Тушинско

ГО вора
на Руси
объявился
я
очередно

й
«царевич
Дмитрий»
. НОВЫМ
самозван

цем стал
«дьякон
Сидорка
из-за
Яузы-рек

И С
МОСКВЫ»».
Обоснова
лся
Сидор в

Пскове, а
потому
получил
официаль
ное

прозвище
Псковског
о вора.
Вот ему,
Псковско

му вору,
В КОНЦЕ
1611 или
В начале
1612 года

присягну
ли многие
арзамасс
кие
дворяне

И
боярские
дети. А
устроил
эту

очередну ю политиче скую комедию

выборный дворянин Яков Семенови Ч

Миленин.

«А тот
деи Яков

В

Арзамасе

В СМУТЕ БЫЛ НАЧАЛЬНЫ Й ВОР И К ПСКОВСКОМ

у вору
всяких
людей
приводил,
и от того

де он
своево
воровства
ныне
пропал

безвестно

»» ■

Арзамасс
кие
дворяне
не только
присягал

И
«Сидорке
из-за
Яузы-рек
и»». Ими

были
сделаны
надлежа
щие
выводы

ИЗ набегов татарски х и чувашски

Х КОННЫХ
ШАЕК — В
1611 ГОДУ
УДАЛОСЬ
ВОССТАНО

ВИТЬ
СобакиНС
Кие
ворота.
Однако

эта
предохра
нительна
я мера
не спасла

уезд от НОВОЙ беды: в 1612 году на

ЮЖНЫЕ ОКРАИНЫ УЕЗДА СОВЕРШИЛ И НАБЕГ

НОГАЙЦЫ И КРЫМСКИЕ ТАТАРЫ, СУМЕВШИЕ

пробиться
я через
Пузскую
засеку.

Засечны е сторожа

Ортыюшка Михайло в со товарищ

И
сообщал
И
МОСКОВСК

ИМ боярам: «... В прошлом

120-м
году
(1612 г.)
за

неделю
до
ОспоЖИН

а дни
приходили на

арзамасские
места
крымские и
нагайские
люди и ту
Пузскую
засеку

проломили и
ворота
высекли, и
сторожей,
товарищей
их, побили и
дворы их

ПОЖГЛИ».

От этого
набега
пострадали

НЕ ТОЛЬКО
ЗАСЕЧНЫЕ
СТОРОЖА, НО
И МНОГИЕ
АРЗАМАССКИЕ
ПОМЕЩИКИ.

«Бил селом
государю ...
арзамасец
Иван

Прохоров
сын
Писемской,
а сказывал:
государева
де

жалованья
за ним в
Арзамасско
м уезде в
сельце в
Шарапове, и

В прошлом
в 120-м
году, как
приходили
нагайские
люди, и дом

де ево
Иванов
разорили и
людей ево
и крестьян
поймали в

ПОЛОН, а
ИНЫХ МНОГИХ
ПОСЕКЛИ».

Ивану
Писемскому
повезло –
его
разорили,
но не

убили.
Соседа же,
Михаила
Должикова
«В
прошлом

120-м году,
как
приходили
в Орзамас
нагайские
люди,

убили»».

Поместье
Должикова
, изрядно
разоренное
, перешло

ВО владение Афанасия Третьякова

■

Убивали
всех без
разбору не
только

пришлые
крымцы и
ногайцы.
Зверстов
али и

ставшие разбойник ами повстанцы из отрядов

Ивана
Болотнико
ва. Их
предводит
ель попал

В Туле в
руки
палачей и
принял
мученическ

ую смерть.
Его же
последова
тели,
привыкшие

К
ничего не де
еланью и
сытной
свободной

ЖИЗНИ,
уже не
могли
вернуться
к

изнуритель
ному труду
хлебопашц
а.

Основным

кормильце
м стала
для них
большая
дорога

между Арзамасом и Лукояновы м, а

укрытием -
дремучий
Шатковски
й лес. От
рук этих

душегубов
погиб в
1612 году
ехавший в
свое

ИМЕНИЕ В Залесном стане Трофим Иванович

Ермолов,
брат
пра-пра-пр
а-пра-прад
еда

Алексея Петровича Ермолова, знаменитог о героя

Отечественной войны 1812 года и покорител

я Кавказа.

Получивш

ие очень
неплохую
боевую
выучку
шатковски

е
разбойник
и
нападали
не только

на
одиноким
путников,
при
удобном

случае объектам и их нападений становили

сь даже
небольши
е военные
отряды.

В том же
1612 году
арзамасск

ИЙ
воевода
КНЯЗЬ
Петр
Львов

отправилс я в имение Авраама Бахметев

а при
селе
Паново
для
оформлен

ИЯ ОТКАЗНОЙ ГРАМОТЫ¹.

На обратном

пути воевода
и его
спутники
подверглись
нападению
обосновавших
ся в

ШАТКОВСКОМ
лесу
бандитов.
Князь Львов
и его охрана
сумели
отбиться от

нападавших.
А вот Авраму
Бахметеву не
повезло — в
той стычке он
погиб.

Положение, как в стране, так и в Арзамасском уезде

начало
изменяться в
лучшую
сторону
лишь после
ратных

побед нижегородск ого и ярославского ополчений осенью 1612

года.
Поляков
удалось
выбить из
Москвы и
других

русских
городов. А
вскоре после
этого новым
российским
самодержце

м был
избран
молодой
боярин
Михаил
Федорович

Романов.

А затем в Московском

государстве
начался
передел
поместных
владений,
всем

участникам событий 1605-1612 годов новый царь воздавал по

заслугам – и
героям, и
предателям
Отечества.
У подручных
польских

ОККУПАНТОВ
ЗЕМЛИ
ИЗЫМАЛИСЬ,
ИМИ
ВЕРСТАЛИСЬ
АКТИВНЫЕ

борцы с захватчикам и.

Подобный
процесс
начался и в
Арзамасско
м уезде.

Вступивший на русский престол Михаил

Федорович возвратил поместье вдове убитого под Зарайском

Асана Микульског о. Обманным путем захвативше

ГО ТО
имение
Михаила
Темкина
выставили
за ворота.

Получил
крупный
земельный
куш в 400

четей бывший нижегород ский воевода Андрей

Алябьев,
наголову
разгромив
ший под
стенами
города

арзамасски й отряд стороннико в Лжедмитри я II.

**А ВОТ
другому
ИЗВЕСТНОМ**

у военному деятелю Смутного времени, казачьему

атаману
Ивану
Мартынов
ичу
Заруцкому

пришлось
расстаться
со своими
арзамасск
ими

владениям и. Иван Заруцкий и его отряд

казачков-ра
збойников
являли
типичный
пример

наемных
солдат –
ландскнех
тов. Кому
они только

не
продавали
сь: и
полякам, и
всем

Лжедмитр
иям, и
даже
ополчению
. Служили

ВСЕМ, КТО
обещал
больше
платить.

Заруцкий
ВОЗВЫСИЛС
я при

Тушинско
м воре –
стал
боярином
и очень

ВЛИЯТЕЛЬН ЫМ В России Человеком

■

Однако
его
счастлива

я звезда
закатилас
ь так же
быстро,
как и

ВЗОШЛА. В
ОДНОМ ИЗ
БОЕВ
Заруцкий
ПОТЕРПЕЛ

поражени
е, после
чего с
остатками
своего

отряда и женой Лжедмит рия II Мар иной

Мнишек
бежал в
низовья
Волги.
Ему

удалось
захватить
Астрахан
ь, откуда
ОН

намерева

лся

начать

наступлен

ие на

Москву.

Планы

Заруцког
о
нарушили
восставш
ие

астрахан

цы.

Ивану

Мартыно

вичу и

Марине
Мнишек
пришлось
бежать
на Яик.

За ним в
погоню
был
послан
отряд

правител
ьственны
х войск,
в состав
которого

ВХОДИЛИ
СТО
арзамасс
КИХ
дворян и

детей боярских. Заруцког о и Мнишек

СХВАТИЛИ
И
ДОСТАВИЛ
И В
Москву.

Финал их
жизни
был
трагичен:
Заруцког

О В 1614
году
посадили
на кол, а
Мнишек

закончил
а свои
дни в
темнице.

Прочие «воры» оказались

ь не
столь
решитель
ны и

смелы,
как
Заруцкий
. Как

ТОЛЬКО
начался
отъём
поместий

, ПОЧТИ
ВСЕ
БЫВШИЕ
АКТИВНЫЕ

СТОРОНН
ИКИ
Тушинско
го вора и

королеви ча Владисл ава вмиг

прозрели
, стали
ИСТИННЫМ
И

патриота

ми и

клялись

в

верности
новому
царю.

Испокон века главной опорой

Всех русских князей и царей

было
дворянст
во,
сословие

, ИЗ
которого
формиру
вались

КНЯЖЕСК ИЕ ДРУЖИНЫ И РУССКАЯ

армия.
Вполне
естестве
нно, что

Вскоре
после
коронации
и

МОЛОДОЙ Михаил Федоров ич задал

СВОИМ
приблиз
енным
резонны

й вопрос,
на какое
количество
во

бойцов
он может
рассчиты
вать в

затяжно
й войне с
Польшей.
По

данным Разрядно го приказа,

занимав
шегося
подобны
ми

делами, Арзамасс кий уезд в 1613

ГОДУ МОГ
ВЫСТАВИТ
Ь 473
ВОИНА.

Это

были
разные
по
возрасту

И
достатку
служилы
е люди.

С середин ы XVI

века русское дворянст во

делилось
на
несколько
о

разрядов

■

Подобно

е

деление
было
своего
рода

допетров ской табелью о рангах.

Все
дворянст
во было
разделен

О на
МОСКОВСК
ое и
уездное.

Московск
ое
дворянст
во было

ВЫСШЕЙ
КАСТОЙ.
ЭТИ
ДВОРЯНЕ

находили
сь
ближе
всех

Остальны
х к царю,
а потому
добивал

ИСЬ
БОЛЬШИХ
ДОЛЖНОС
ТЕЙ И

получали
большее
жалован
ье.

Как
МОСКОВСК
ое, так и

уездное дворянст во распреде

лялось
по трем
главным
группам:

выборны
е,
дворовы
е и

Городовы е дворяне.

Выборны е дворяне,

обычно
самые
опытные
В

ВОЕННОМ ОТНОШЕНИИ И ЛЮДИ, ПОЛУЧАЛИ

самые
высокие
земельн
ые

Оклады и денежно е жалован

ые. На
службу
ОНИ
ДОЛЖНЫ

были
являться
в
сопрово

Ждени
двух-тре
х
оружено

сцев. Из
их числа
обычно
выбирал

И ВОИНСКИХ начальни КОВ

различно
го
уровня.

Дворовы
е
дворяне
получали

меньшее
жалован
ье и
являлись

на
государе
ву
службу с

ОДНИМ
оружено
сцем.

Городов ые дворяне, наименее

обеспече
нные,
служили
В

городах Туле, Калуге, Нижнем

Новгород
е,
Арзамасе
и т.д./.

Из их
числа
набирала
сь

ВОИНСКАЯ КОМАНДА ГОРОДСКО ГО

ВОЕВОДЫ.

Столь
же
захудалы
ми были

И так
называем
ые
«боярски

е дети»» -
молодые
дворяне,
служивш

ие при
боярах.

После того, как Арзамасс кая

десятня (список дворян для

получени
я
жалован
ья)

ПОСТУПИЛ

а в

Разрядн

ый

приказ,
казна
выделил
а

необходи мые средства ,

КОТОРЫЕ
В 1615
ГОДУ
ДЬЯКИ

Разрядн ого приказа доставил

И В Арзамас.

Вот некотор ые сведения

ИЗ Арзамасс кой десятни

1615
года.

В тот
год
самое
высокое

государе
во
жалован
ье имел

выборны й дворяни н Илья

Булгаков сын Мертвой /Мертваг

о/. Его
земельн
ый склад
составля

л 850
четей, а
ВОТ
денежно

е ДОВОЛЬСТ вие Илье Булгаков

ичу
выдать
не
удалось.

Выборны й дворяни н

Мертвой
на
раздачу
денег не

явился,
ибо
служил
воеводой

В ОДНОМ ИЗ ЧЕРЕМИСС КИХ

Городов.
В те
времена
отлучать

ся со
службы
дворяне
не имели

права.

Вторым В десяти стоял

выборны й дворяни н Яков

Семенов сын Миленин . Его

земельн
ый оклад
равнялся
600

ЧЕТЯМ, а
денежно
е
жалован

ье – 32
рублям.

Миленин
на
раздачу
также не

явился.

Как

ПОМНИТ

читатель

, сей выборны й дворяни

Н В 1611
или 1612
году
организо

вал
присягу
арзамасс
кого

дворянст
ва
Псковско
му вору,

а вскоре
стал
жертвой
им же

самим
устроенн
ой в
уезде

СМУТЫ.

Оклады молодых городов ых

дворян
Арзамас
а были в
четыре с

ЛИШНИМ
раза
меньше
жалован

ья выборны х: земельн

ый оклад
– 200
четей,
денежно

е

жалован

ье – 7

рублей.

За
денежны

М
ДОВОЛЬСТ
ВИЕМ В
1615

ГОДУ
ЯВИЛОСЬ
ЛИШЬ 196
ИЗ 473

записанн
ых в
десятью
дворян.

Причин
тому
много, и
одна из

НИХ —
гибель
дворяни
на в

кровавой
междуус
обице,
как это

произош ло с Яковом Миленин

ым, или
тяжкая
болезнь.

Вот
одна из

МНОГИХ
ПОДОБНЫ
Х
записей

В десятне: «Худяк Меньшов

О СЫН
Кунилов.
у
денежно

й
раздачи
не
объявил

ся.
Окладчи
ки про
него

сказали:
помесья
за ним
есть или

нет, того
не
веддают».

Вторая причина

— обнищан ие многих

ДВОРЯН ВО ВРЕМЯ СМУТЫ, НЕВОЗМО

ЖНОСТЬ приобрет ения необходи

МОГО ВОИНСКОГ О снаряже

НИЯ.

Вот еще
одна
цитата
из

десятни: «Михайл О Яковлев

СЫН ЛУКИН. ПО ОКЛАДЧИК

ове

ɦ

82;скаске

имел с

городом 14

рублев, а

ныне
служить не
мочно, беден,
беспоместен
».

Во время
смуты у
многих
помещиков
разбежались
почти все
холопы. И

ВМЕСТО ТОГО,
ЧТОБЫ
ЯВЛЯТЬСЯ ЗА
ПОЛУЧЕНИЕМ
ПОЛАГАЮЩЕГО
СЯ
ЖАЛОВАНИЯ,

дворянам
приходилось
разыскивать
беглецов.

Ещё один
пример из
десятны:
«Ондрей
Гаврилов
сын
Соловцов.

Окладчики
сказали: на
службу
будет, -
побежали
люди, поехал
их

СЫСКИВАТИ»».

А вот как
оформлялас

ь выдача
денег, когда
дворянин
являлся к
раздаче:
«Богдан

Томилов сын
Хирин. По
окладчиков
скаске
оклад ему
денежново

жалованья с
городом 14
рублев. Дано
сполна. А
поруча по
нем в

службе и в
деньгах
окладчики
Лаврентий
Исупов, Иван
Чуфаров,

Измайло
Демьянов.
Богдан
деньги взял
и руку
приложил».

До XVIII
века русская
армия
строилась на

круговой
поруче – за
каждого
служащего
ручались его
товарищи.

Когда
читаешь
Арзамасскую
десятью,

по-настоящему
осознаешь,
чем
обернулась
для России

смута начала
XVII века:
страна
потеряла
почти 59%
СВОИХ

солдат,
потери же
крестьян
были ещё
большими.

Зарезанный или зарезавшийс я в Угличе в

1591 году
царевич
Дмитрий
через
полтора
десятилетия

/в 1605-1612
годах/
устроил Руси
большое
кровопускан
ие. В

результате
кровавой
междоусоби
цы за трон
Россия
обезлюдела.

Понадобилось
в два
десятилетия,
чтобы
восполнить
понесенные

В ГОДЫ СМУТЫ ЛЮДСКИЕ ПОТЕРИ.

Полстолетия
, с начала
20-х до
конца 60-х
годов XVII
века, были

для Арзамасского о уезда и для селений вокруг Шатков

периодом
стабильност
и. Это были
непростые,
порою очень
трудные

ГОДЫ.
Московское
государство
продолжало
воевать с
очень

сильной
Польшей.
Иногда
полякам
удавалось
прорываться

К стенам
Москвы. Но
это была
война с
внешним
врагом.

Ареной битв
обычно
становились
приграничны
е области, а
не

территория
всего
государства,
как это было
во время
смуты. До

Арзамасского
о уезда
полякам
доходить не
удавалось.

В этой
нелегкой, но
обыденной
ЖИЗНИ

каждый
занимался
своим
делом:
дворяне
воевали,

порою
погибали, а
крестьяне
работали
на них и их
наследники

В ИЛИ
преемников.

С 20-х

ГОДОВ XVII в
ека
началось
постепенное
распреде
ление труда

ПО НАЦИОНАЛЬН ОМУ ПРИЗНАКУ: МОРДОВСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

начало
перенимать
от русских
соседей не
только
религию, но

и образ
жизни.
Мордва
отходила от
бортничеств
а и охоты,

переходя на земледелие

■

Важной статьей некоторых сел стал извоз. Население

деревень и
сел,
лежавших
близ
оживленных
дорог,

например,
Шатков,
начало
содержать
гостиные
дворы и

трактиры.

В конце XVI века

дворцовые деревни и села начали обеспечиват ь московский

царский
двор не
только
продовольст
вием и
холстом, но

И
некоторыми
предметами
обихода.
Московские
цари

нуждались в
большом
количестве
серебряной
посуды и
прочих

предметах
обихода.
Соборам на
территории
кремля
требовалось

значительн
ое
количество
окладов для
икон,
кадил,

КУЛЬТОВЫХ
предметов.
Эта
потребность
в большом
количестве

изделий из драгоценны х металлов стала причиной развития в

селе
Собакино
ювелирного
промысла.
Нам
известно

ИМЯ ОДНОГО
ЮВЕЛИРА-СЕ
РЕБРЯНИКА,
-
РАБОТАВШЕГ
О В

Собакине в конце XVI – начале XVII века,

—

Леонтия
Иванова
сына
Белово.

Время от времени арзамасски е деревни и

села
меняли
своих
владельцев.
Наиболее
кардинальн

ые
перемены
произошли
в начале
20-х годов X
VII

века. Некоторые бывшие владельцы поместий погибли в

Смутное
время,
других
лишили их
вотчин за
службу

ПОЛЯКАМ И
САМОЗВАНЦА
М. Им на
смену
пришли те,
КТО

проливал
кровь в
рядах
ополчения
или в
войсках

Василия Шуйского.

В течение

нескольких
десятилетиях
принадлеж
авшее
Болтиным

село Шатки
перешло во
владение
Ивана
Алексеевич
а

Аргамасова. По окончанию смуты находившее ся в

ведении Дворцового приказа село Собакино частично

стало
поместьем
боярина
князя
Бориса
Михайлович

а Лыкова и дворянина из немцев Ивана Нармоцкого

■



